

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. На ст. жел. д. 20 коп. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 39

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915

24 СЕНТЯБРЯ

Спеціальний
номеръ
„ТЫЛЬ”.

ШТАТСКОМУ ТЫЛУ.

Рис. Ре-ми.

Вы, сидящіе въ тылу, вы — нервныя, вы — штатскіе, вы — трусливыя, вы — шепчущіе, вы — озирающіеся займитесь вашимъ дѣломъ и не нервнируйте нашу спокойную мужественную армію, за крѣпкой спиной которой вамъ такъ уютно и безопасно! Пусть армія дѣлаетъ свое святое дѣло, не чувствуя у себя за спиной вашего бесполезнаго тягостнаго груза!!

Шептуны

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Весь настоящій номеръ мы посвящаемъ тылу, но не тому — военному — исполняющему свое, полезное для арміи, дѣло, а тылу штатскому, обывательскому, у котораго много есть язвъ и который не всегда поднимается на требуемую настоящимъ моментомъ высоту.
Редакція.

ВЪ ТЫЛУ.

Въ разгулѣ браннаго труда
Въ пылу чудовищныхъ сраженій, —
Когда пылаютъ города
Въ огнѣ побѣдъ и пораженій,
Когда приблизилась въ упоръ
Пора повисить нашу ставку
И въ роковой, кровавый споръ
Внести послѣднюю поправку —
На фонѣ тающей бѣды,
Передъ концомъ кровавой бани
Какъ тяжело чувствовать слѣды
Какихъ-то подлыхъ колебаній!
Народъ несетъ тяжелый крестъ —
Достоинно, свято, благородно:
Онъ вынесъ Ковно, вынесъ Брестъ,
Теперь стоитъ стѣной у Гродно;
И такъ же твердо, какъ и встарь —
На Бородинской бранной тризнѣ —
Несетъ на жертвенный алтарь
Свои сокровища и жизни.
Онъ твердо помнитъ прошлый годъ,
Когда на первомъ перевалѣ
Предуготованныхъ невзгодъ
Мы клятву страшную давали;
Онъ носитъ въ сердцѣ духъ рѣчей,
Которымъ жили наши дѣды:
«Не будемъ вкладывать мечей
До окончательной побѣды»;
И, съ крѣпкой вѣрою въ Творца
И въ мощь своихъ мужицкихъ дланей,
Онъ не измѣнитъ до конца
Своихъ возвышенныхъ желаній.
И вотъ, когда онъ, весь въ пылу,
Несетъ отвѣтственное бремя
Въ «организованномъ» тылу
Въ такое тягостное время —
Явились с... с...
Съ клеймомъ предательства на рождѣ,
Которымъ брюхо и штаны
Завѣтовъ родины дороже,
И, бросивъ думать о войнѣ
И окровавленномъ мундирѣ,
Уже пустили по странѣ
Змѣиный шипъ о «подломъ мирѣ».

О, омерзительная «рать»
Въ тылу у Гродны и у Бреста!
Давно пора тебя убрать
На подобающее мѣсто!

Владиміръ Воиновъ.

УЖИКОВЪ.

(О мараящихъ тылъ.)

Я боюсь войны, боюсь чужой крови и сознанія необходимости убивать, но на тѣхъ, кто добровольно, съ хорошимъ порывомъ, пошелъ рисковать жизнью во имя убѣжденій, я всегда смотрѣлъ съ уваженіемъ.

Поэтому, когда къ намъ пришелъ Ужиковъ и сказалъ, что завтра мы его уже не увидимъ, мнѣ показалось, что я, остающійся здѣсь, даже въ чемъ-то виноватъ предъ нимъ.

— Уѣзжаете? — почтительно спросилъ я. — Туда?

Онъ снисходительно кивнулъ головой и, довольно улыбаясь, махнулъ куда-то рукой.

— Туда... Хотелся извѣдать счастье боя, превратности...

— Страшно, Сергѣй Петровичъ? Никого не жалко?..

— Ну... Куда же можно бѣжать, съ такой мятущейся, порывной душой, какъ у меня... Только тамъ...

— Вы какъ же, пѣхотинцемъ?..

— Ну, что вы... У меня знакомый командиръ коннаго драгунскаго полка... Меня еще съ дѣтства тянуло въ уланы...

— Хорошій полкъ?

— Еще бы... Вы знаете, — онъ наклонился ко мнѣ, — можетъ быть, это военная тайна... Это секретный полкъ. Для особыхъ порученій. Развѣдка подъ артиллерійскимъ огнемъ, отбиваніе особо важныхъ плѣнныхъ, защита блиндированныхъ автомобилей, парады подъ пулеметнымъ огнемъ...

— И вы туда?!.. Добровольно... Да вѣдь это же...

— Еще бы, — посмѣиваясь надъ моимъ ужасомъ, кинулъ вскользь Ужиковъ, — больше ста процентовъ смертности... Черные орлы умѣютъ умирать...

— Какіе орлы?

— Полкъ называется. Только ужъ, пожалуйста, между нами...

— Ну, еще бы...

Просидѣлъ у насъ Ужиковъ до двухъ часовъ ночи. Было довольно много народа, но каждый изъ насъ какъ-то невольно молчалъ, робко прислушиваясь ко всему тому, что говорилъ Сергѣй Петровичъ. Какая-то дама, позванная мужемъ домой, сердито огрызнулась и грубо цыкнула.

— Ты — еще... Ты на него смотри... «Я, я»... Мужчина...

Ужиковъ, поймавъ однимъ ухомъ разговоръ, рѣшительно всталъ на сторону мужа.

— Ну, что вы, право... Каждый можетъ быть полезенъ и здѣсь... Мы будемъ умирать, а вы здѣсь...

— Зачѣмъ умирать? Не надо... — вздохнулъ я, — такой молодой...

— Нѣтъ, нѣтъ, умирать — рѣшительно стоялъ на своемъ Ужиковъ, — нѣтъ...

— Да вѣдь...

— Нѣтъ, оставьте за мной это право! — горячо вскрикнулъ Ужиковъ, — я хочу умереть.

Въ краткихъ словахъ Ужиковъ описалъ всю будущую картину его боевой работы. Я очень плохой стратегъ и поэтому не рѣшался оспаривать необходимости для драгунъ, вооруженныхъ, по рассказамъ Ужикова, только штыками и особыми скорострѣльными ружьями, принимать участіе въ осадахъ крѣпостей и развѣдочныхъ полетахъ на аэропланахъ, которыхъ Ужиковъ для сокращенія, почему-то называлъ даже аэродромами. Особенно поражало всѣхъ описаніе боя, въ которомъ Ужиковъ закололъ двухъ высшихъ чиновъ германской арміи.

— Да, это былъ ужасный моментъ... Особенно, когда одинъ изъ нихъ, умирая, прошепталъ что-то о своей матушкѣ...

— Значить, вы уже были там? — восхищенным шопотом спросила одна дѣвица.

Ужиковъ посмотрѣлъ на нее, перевелъ глаза на самоваръ, и вздохнулъ.

— Почему вы это спрашиваете? — тихо сказалъ онъ, — гдѣ же можетъ найти покой, какъ не въ бою, моя душа, не знавшая съ дѣтства ни ласки, ни...

— Вы не сердитесь, я такъ, — робко оправдалась дѣвица. — Я слышу, что вы собираетесь ѣхать туда...

— Ѣхать, — мягко улыбнулся Ужиковъ, — именно летѣть хочу туда, летѣть на крыльяхъ истомившейся души...

Прощаясь, Ужиковъ отвелъ меня въ сторону и, застѣнчиво посмотрѣвъ въ глаза, сказалъ:

— У меня къ вамъ маленькая, такъ сказать, предсмертная просьба...

— Сергѣй Петровичъ, да я...

— Видите ли, дѣло въ томъ, что завтра праздникъ, и мой банкъ...

— Сергѣй Петровичъ!.. И вы еще...

— Я такъ и зналъ, что вы такой милый...

— Можетъ быть, пятидесяти мало? Я могу...

— Мнѣ, правда, такъ неловко... Ну, давайте восемьдесятъ... Большое спасибо... До завтра...

* * *

— Это вы, Игнатій Петровичъ, — позвонилъ я на другое утро одному знакомому генералу, — здравствуйте... Я у васъ хотѣлъ спросить объ одной вещи... Скажите, очень это опасный полкъ «Черныхъ орловъ»...

— Это какой, сенегальскій?

— Не знаю... Кажется, что рязанскій...

— Гдѣ же въ Рязани негры?

— А при чемъ тутъ негры? Мнѣ ихъ не надо.

— Мнѣ тоже. Можетъ, что-нибудь еще хотите спросить?

— Вы меня не поняли, навѣрное... Дѣло въ томъ, что одинъ мой пріятель ѣдетъ добровольцемъ въ полкъ «Черныхъ орловъ»...

— Какъ же онъ во Францію проберется?..

— Да онъ не во Францію...

— У насъ въ арміи сенегальскихъ войскъ нѣтъ... Это у французовъ полкъ «Черныхъ орловъ»... Вы ему скажите...

— Я и такъ говорилъ ему: Ужиковъ, Ужиковъ...

— Какъ Ужиковъ?

— Такъ... Фамилія его...

— Боже мой... Сергѣй Петровичъ! Да онъ у меня третьяго дня былъ... Рекомендацію взялъ... Ёду, говорить, въ Кіевъ, тамъ у одного знакомаго сухарная фабрика...

— Рекомендацію?

— Да... Такъ еще на дорогу взялъ... Банки, говорить, закрыты, завтра, говорить...

* * *

— Алло, слушаю... Ахъ, Сергѣй Петровичъ, вы еще здѣсь...

— Здѣсь... Все не могу выбраться... Спѣшно закупаю для полка партію бензина...

— Что же это вы лошадей поить, что ли?

— Вы не смѣйтесь. Время военное. Ёдешь въ атаку и вдругъ бензина нѣтъ... У васъ нѣтъ знакомаго аптекаря? Есть?... Это очень мило съ вашей стороны... Я бы могъ предложить ему четыре боченка и недорого...

— А какъ же вамъ-то, самому...

— Да знаете, время такое... Ёдешь въ атаку и вдругъ нѣтъ бензина... Такъ вы говорите, Невскій, 192... Спасибо...

* * *

— Боже мой, Ужиковъ... Вы еще не уѣхали?..

— Дѣла, батюшка, дѣла... А вы куда?

— Да вотъ иду, дрова разыскиваю...

— А почему думаете?

— Да рублей по пятнадцати... Мнѣ цѣлый вагонъ надо...

— Ну, ужъ это свинство... Зная мой телефонъ, бѣгать по городу, давать другимъ наживаться... Хотите по тринадцати безъ достав...

— Сергѣй Петровичъ... Вамъ же не сегодня-завтра ѣхать, а вы будете изъ-за меня...

— Ну, что тамъ... Я такъ вамъ обязанъ, такъ... Вамъ ольховыхъ? Задатокъ, конечно, сейчасъ, а остальное...

* * *

Черезъ мѣсяць я встрѣтилъ Ужикова въ кафѣ. Онъ былъ въ визиткѣ, съ зеленымъ галстукомъ, торопливый и взволнованный.

— Стаканъ по-варшавски и пару... Кого я вижу?! Здравствуй, дорогой мой...

— Здравствуй, Сергѣй Петровичъ...

— Зубы болятъ? Щека у васъ перевязана, а я и не замѣтилъ...

— Такъ, пустяки, іодомъ намазалъ...

— Іодъ? — быстро спросилъ Ужиковъ, — даете?

— Что даю?

— Девяносто кило. Берете?..

— Мнѣ ничего не надо, Ужиковъ.

— Можетъ быть, вы хотите гипосульфита? Четыре рубля доставка, задатокъ, конечно...

— А какъ же насчетъ «Черныхъ орловъ», Ужиковъ?

— Черные орлы?... Какая же это марка для одеколона? Возьмите оленя, восемьдесятъ бутылокъ съ доставкой... Задатокъ, конечно...

* * *

Опять черезъ мѣсяць или два я встрѣтилъ Ужикова у однихъ общихъ знакомыхъ. Онъ сидѣлъ съ встревоженнымъ лицомъ, и чайная ложечка у него въ рукахъ дрожала, ударяясь о края стакана.

— Ну, что, Ужиковъ? — спросилъ я.

— Что тамъ... Читали? — и онъ вынулъ изъ кармана вечернюю газету. Судя по бахромѣ на поляхъ газеты, успѣвшей выйти всего часа четыре тому назадъ, внималась она и показывалась, очевидно, безъ большихъ паузъ, всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ въ этотъ вечеръ разговаривалъ Ужиковъ.

— Ну, что... Гдѣ?

— Берутъ.

— Кого берутъ?

— Ратниковъ берутъ...

— Ужиковъ, а какъ же ваша душа?..

— Какая еще душа?

— А вотъ та самая, которая не знала ласки съ дѣтскихъ лѣтъ, и которая...

— Что еще, которая?..

— Которая хотѣла успокоиться въ пылу боя...

— Вамъ легко, пыль боя, пыль боя... У меня черезъ двѣ недѣли такой подрядъ, батюшка...

— Ужиковъ...

— Ну, что, Ужиковъ, Ужиковъ...

* * *

Больше мы съ Ужиковымъ не встрѣчались... Я не знаю, гдѣ теперь онъ. Должно быть, въ компаніи со своими единомышленниками запаковываетъ тыль.

Много ли ихъ, Ужиковыхъ — не знаю, но и тотъ фактъ, что они вообще есть, печаленъ. Въ тѣ минуты, когда на улицахъ испуганные люди, и злобные, ѣдкіе слухи винтомъ впиваются въ мозгъ каждаго, мнѣ начинаетъ казаться, что Ужиковы облѣпили сердце со всѣхъ сторонъ; но когда страна спокойна, когда каждый изъ насъ безъ робости начинаетъ переживать суровые удары и окрыляется надеждой при проблескахъ удачи — мнѣ искренно вѣрится, что Ужиковы — только та копотъ, которая летитъ изъ паровозной трубы и залѣзаетъ пассажиру, высунувшемуся отъ нетерпѣнія изъ вагоннаго окна, въ носъ и уши... Можетъ быть, это даже наша ошибка — замѣчать въ такое время простую копотъ, которую такъ легко смахнуть носовымъ платкомъ...

Арк. Буховъ.

В Ъ Т Ы Л У.

(Тяжелая шутка.)

Жилъ маленькій заяцъ въ полѣ.

Кому его жизнь нужна?

Я сѣлъ въ ресторанъ, за столикъ:

Мнѣ его жизнь нужна.

Такъ я сидѣлъ въ ресторанѣ.

Кому моя жизнь нужна?

Кто-то летѣлъ на аэропланѣ:

Ему моя жизнь нужна.

Зачѣмъ ты молчишь, о, Боже:

Бросаютъ въ меня снарядъ!..

Но зайчата, можетъ быть, тоже

Предъ смертью съ Богомъ говорятъ?

Ал. Вознесенскій.

ГРИМАСА ТЫЛА.

(Октавы.)

I.

Узнавши, что въ цѣнѣ поднимется бумага —
Паль Палычъ задрожалъ, встревожившись весьма,
И въ этотъ день не ѣлъ, какъ слѣдуетъ, бѣдняга!
Осунулся, зачахъ... — совсѣмъ сходилъ съ ума!
— «Нѣтъ, — твердо онъ рѣшилъ, — удобство — это благо!
Нѣтъ, дудки! — у меня бумаги будетъ тьма!..»
И, взявъ перо, — одинъ, — до самаго разсвѣта
Онъ что-то вычислялъ подъ заголовкомъ «Смѣта»...

II.

Паль Палыча я зналъ полсотню слишкомъ лѣтъ:
Онъ не писалъ стиховъ, не издавалъ журнала;
Ахъ, склонности такой въ немъ не было и нѣтъ!
Бумага потому его касалась мало!
Но кризисомъ ея онъ все же былъ задѣтъ:
Паль Палыча теперь бумага занимала!!
Но связывала съ ней его какая нить?
Какъ это разгадать? Какъ это объяснить?

III.

Любилъ онъ — пипифаксъ! И по такимъ причинамъ
Онъ рыскалъ цѣлый день, въ тревогѣ, впопыхахъ,
По всѣмъ аптекарскимъ въ столицѣ магазинамъ
И — закупалъ его, свой утоляя страхъ...
И дома складывалъ его въ порядкѣ чинномъ
Въ какихъ-то ящичкахъ, въ шкатулкахъ, въ сундучкахъ...
Запася на пять лѣтъ бумагой онъ клозетной,
И сердце потому въ немъ клокотало Этной!

IV.

Такъ пусть гремитъ война и длится пусть она! —
Вѣдь, не прозится война Паль Палыча здоровью!
И на бумагу пусть себѣ растеть цѣна! —
Паль Палычъ не дуракъ! — Не шевелить и бровью:
Бумага у него теперь запасена,
И смотритъ на нее съ великой онъ любовью,
И чувствуетъ себя Паль Палычъ молодымъ!.. —
Есть милый пипифаксъ — все остальное — дымъ!!!

Михаиль Пустынинъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

А въ самомъ дѣлѣ: вѣдь трудно упомянуть, какое животное и птица по какому кричить.

Животныхъ и птицъ много, а рецензентъ „Воронежскаго Телеграфа“ Fugato — одинъ. Не разорваться тутъ — всякаго упомянуть. Поэтому Fugato пишетъ такую рецензію:

Хорошо играла ученица Рамихъ „Жаворонка“, хотя не всегда можно согласиться съ фразировкой и акцентизацией; слѣдовало бы взять темпъ не столь медленный (вѣдь обозначено *Andantino, a ne andante*), особенно со 2-й половинъ, гдѣ авторомъ указано *brillante* да и самый смыслъ вариации, какъ бы рисующей жаворонка, каркающего въ небесной синевѣ, указываетъ на это.

Выражаясь словами того же Fugato — „не всегда можно согласиться съ фразировкой и акцентизацией“ рецензента...

Для свѣдѣнія ненаблюдательнаго Fugato сообщаемъ:

Лошадь — не мяучить.

Соловей — не хрюкаетъ.

Лососина — не кукуетъ.

Если же кто и каркаетъ, то это — авторъ „Перьевъ изъ хвоста“, ибо онъ предрекаетъ Fugato, что изъ Fugato никакого толку не выйдетъ.

*

Однажды, когда редакторъ литературнаго журнала „Солнце Росси“ вздремнулъ, кто-то злой и жестокой подсунулъ ему подъ руку нижеслѣдующіе стихи Изабеллы Гриневской, и редакторъ, еще не придя въ себя послѣ сна, тиснулъ ихъ.

Вотъ эти стихи:

Я мчусь, лечу на крыльяхъ сна
Въ лазурь, къ тебѣ, туда,
Къ тебѣ, мечты моей весна,
Надеждъ моихъ звезда (?!!)

Безспорно, время сейчасъ — военное... но вѣдь, кромѣ военныхъ писарей, есть еще и другіе, штатскіе читатели...

*

Григорій Петровъ соблазнился лаврами Ноздрева и, засучивъ рукава, сталъ руками ловить въ полѣ русаковъ.

Вотъ что онъ „разсказываетъ“ въ „Русскомъ Словѣ“:

Когда пришелъ приказъ сниматься и отходить вмѣстѣ со всѣми, то командиръ батареи передалъ приказъ командъ, проверилъ наличность снарядовъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія, сплзъ тутъ же у орудія и застылъ, какъ каменный.

Команда быстро выполнила распоряженія батарейнаго, впрягла лошадей подъ орудія, — и... всѣ какъ одинъ, по примѣру командира, повалились на землю. Сидѣли и лежали, какъ каменные. Спали ли они, были ли въ глубокомъ обморокѣ — только ни одинъ не пробуждался. Такъ ихъ окаменѣлыхъ и увезли вмѣстѣ съ батареей.

Зовутъ Петрова — Григорій, а онъ считаетъ себя тѣмъ Емелей изъ пословицы, у котораго наступила урожайная недѣля для помола. И мелеть бенефициантъ Емеля...

Рис. Н. Р.

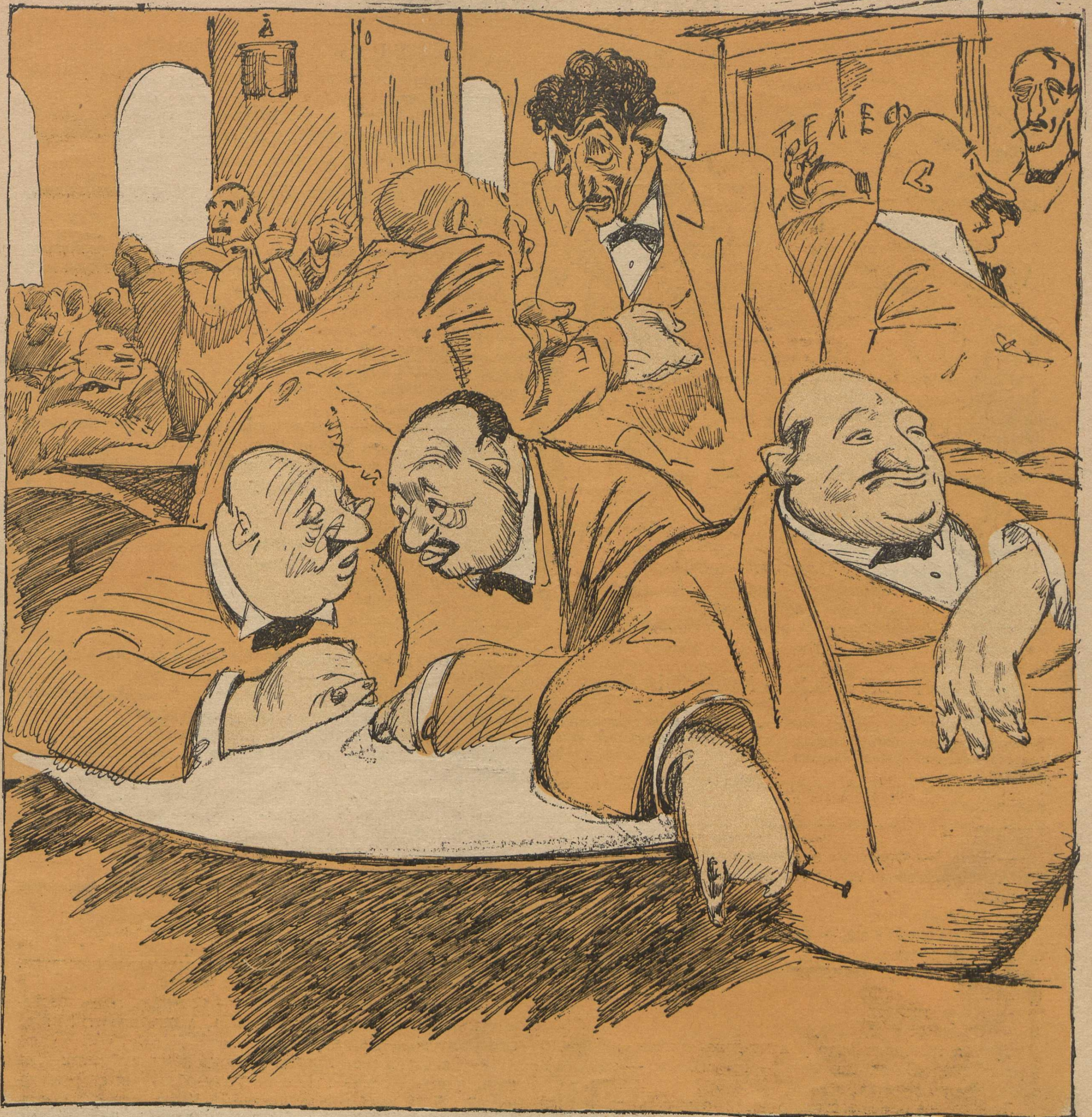

ПОДХОДЯЩАЯ СТАТЬЯ.

Всѣ газеты единогласно утверждаютъ, что взвинчиваніе цѣнъ на продукты и спекуляція на предметахъ первой необходимости — дѣло частныхъ банковъ.

Журналистъ: — Господинъ городской! Смотрите — вотъ эти банкиры своей спекуляціей совершенно раздѣли гражданъ. Привлеките банкировъ къ отвѣтственности.

— Къ сожалѣнію, въ законѣ еще нѣтъ такой статьи, по которой можно было бы ихъ привлечь.
— Такъ привлечите ихъ по 1001 статьѣ за порнографію: вѣдь они обывателей совершенно раздѣли!

ВЪ КАФЕ НА УГЛУ САДОВОЙ И НЕВСКАГО, ГДѢ ВСЕ ПОКУПАЮТЪ И ПРОДАЮТЪ.

— Вы знаете, я сегодня былъ у доктора. Онъ нашель у меня сахаръ.
— Что? Сахаръ? Почемъ пудъ? Франко Петроградъ? Беру!

ОДИНЪ ЧАСЪ ВЪ КАФЕ*).

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Труднѣ всего угнаться за вѣкомъ.

Только что ты, запыхавшись, догналь его, осѣдлалъ, какъ слѣдуетъ, вспрыгнулъ и поѣхаль на немъ, — какъ онъ снова дѣлаеть скачекъ, сбрасываетъ тебя и снова, сломя голову, мчится впередъ, а ты плетешься сзади — усталый, сбитый съ толку, ничего не понимающій.

Все это время я думаль, что не отстаю отъ вѣка, а на дняхъ мнѣ пришлось съ горечью убѣдиться, что это рѣзвое животное снова оставило меня далеко позади.

* * *

Недавно я зашелъ въ первое попавшееся кафе на Невскомъ.

Цѣль у меня была весьма скромная, но достойная всякаго уваженія: выпить стаканъ кофе. И только.

Оказывается, что въ 1915 году это не считается цѣлью. Это только средство.

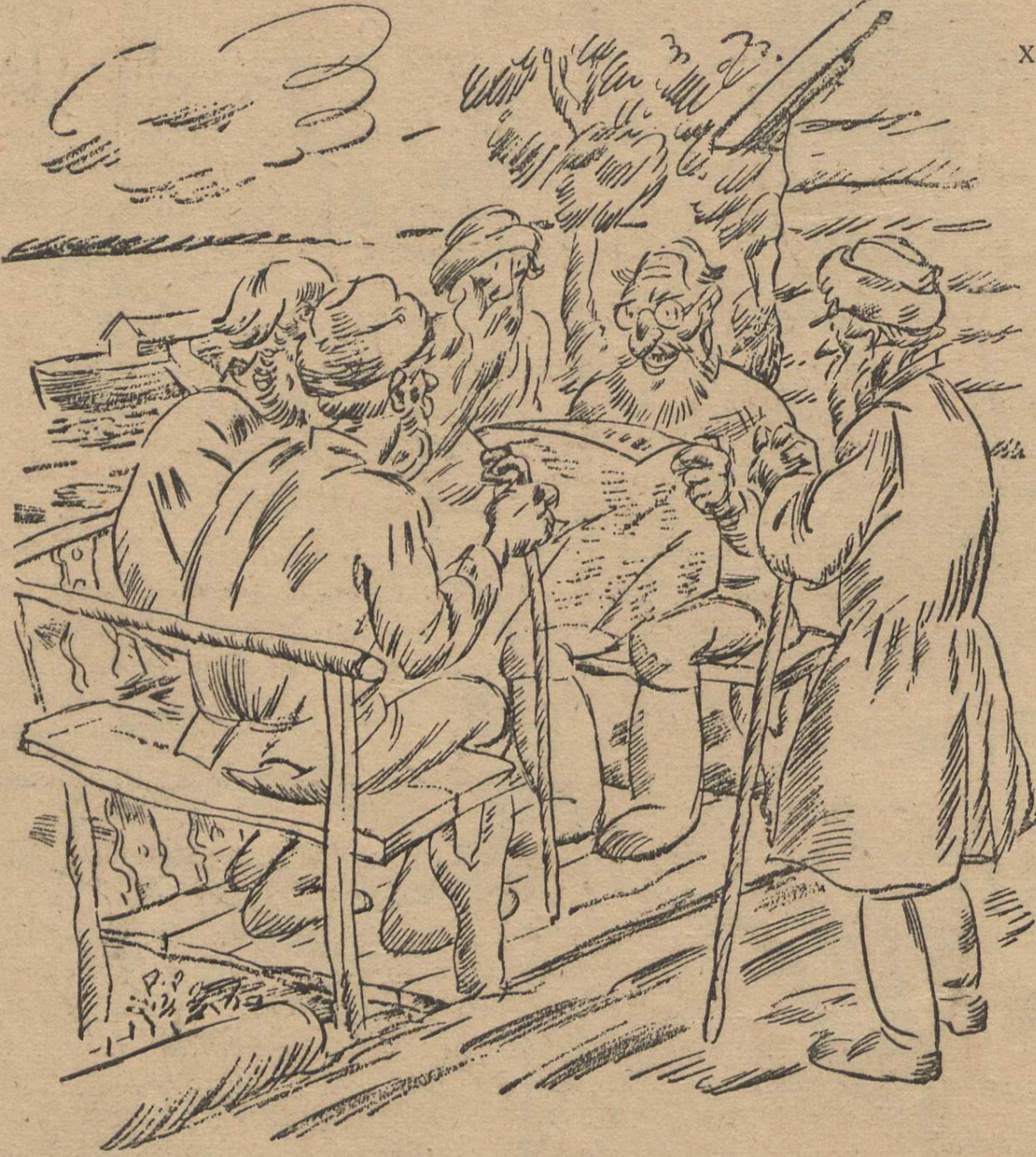
Не успѣлъ я усѣсться за столикомъ, какъ какой-то не особенно щеголевато одѣтый господинъ, чахлый и запыленный, подошелъ ко мнѣ и, положивъ руку на край моего стола, спросилъ, таинственно озираясь по сторонамъ:

— Рубашки есть?

*) Въ одной изъ петроградскихъ вечернихъ газетъ появился фельетонъ, чрезвычайно совпадающій въ деталяхъ съ настоящимъ фельетономъ Арк. Аверченко. Несмотря на то, что фельетонъ въ вечерней газетѣ былъ напечатанъ раньше настоящаго фельетона, мы съ грустью должны констатировать, что „вечерній“ фельетонъ у Арк. Аверченко заимствованъ.

Редакція.

Рис. Н. Радлова.

ВЪ ГЛУБОКОМЪ ТЫЛУ.

— Ну, а насчетъ нѣмца что прописано?

— Да вотъ тутъ сказано (читаетъ): — „рептилии нейтральныхъ державъ координируютъ свои инсинуаціи съ бутадами газетной клаци, наэлектризованной фальшфейерами тевтонскихъ офиціозныхъ фанфаронадъ“.

— Слушатель (глубокомысленно): — Такъ-съ. Круто, значить, ему, надо полагать.

— Есть, — отвѣтилъ я немного удивленный выбранной имъ темой разговора при столь поверхностномъ знакомствѣ со мной.

— Продаете?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, — съ достоинствомъ отвѣтилъ я. — Мнѣ самому нужны.

— Жаль. А то бы дѣло сдѣлали. Термометры вамъ нужны?

— Какіе термометры?

— Обыкновенные, лазаретные.

Тутъ я вспомнилъ, что у меня дома не было ни одного термометра. «Заболѣешь еще, — подумалъ я, — нечѣмъ и температуру смѣрять».

Это соображеніе заставило меня отвѣтить съ полной откровенностью:

— Нужны.

— Сколько?

— Что сколько?

— Термометровъ. Предупреждаю, что много у меня нѣтъ. Могу предложить 120 grossовъ.

— Господи Иисусе! На что мнѣ столько! При самой тяжелой болѣзни я обойдусь однимъ.

Онъ въ ужасѣ поглядѣлъ на меня, отшатнулся и поспѣшно отошелъ къ самому дальнему столику.

Другой господинъ, толстый, упитанный, въ песочнаго цвѣта костюмѣ, подошелъ ко мнѣ въ ту же минуту. Приблизилъ ко мнѣ отверстый тяжело дышащій ротъ и вполголоса спросилъ:

— Свинцовыми бѣлилами интересуетесь?

— Нѣтъ, — провѣривъ себя мысленно и не колеблясь, отвѣчалъ я.

— Дубильную кислоту имѣете?

Мнѣ надоѣли его бессмысленные вопросы и приставанія; чтобы отдѣлаться отъ его предложеній, я рѣшилъ прихвастнуть:

— Имѣю.

— Много?

— Сто пудовъ, — тупо уставившись въ стаканъ съ кофеемъ, буркнулъ я.

— Беру.

— Какъ такъ берете?

— Продаете вы ее?

— Что вы! Какъ же я могу продать... Она мнѣ въ хозяйствѣ нужна.

— Простите, — съ уваженіемъ склонился передо мной господинъ песочнаго цвѣта. — У васъ кожевенный заводъ?

— Три.

— Очень пріятно. Почему у васъ пудъ выдѣланной, для подметокъ?

— Пятьсотъ рублей.

Господинъ испуганно запищалъ, какъ резиновая игрушечная свинья, изъ которой выпустили воздухъ, и въ смятеніи уползъ куда-то.

Если онъ былъ сбить съ толку и растерянь, то и я былъ сбить съ толку и растерянь не менѣе его.

— Я ничего не понималъ.

Третьяго господина, подошедшаго ко мнѣ, обуревало лихорадочное любопытство узнать, интересуюсь ли я ксероформомъ.

— Нѣтъ, — нервно отвѣтилъ я и иронически добавилъ: — А вы подковами интересуетесь?

Онъ ни капельки не обидѣлся и не удивился.

— Помилуйте! Съ руками оторву. Сколько у васъ круговъ?

— Сорокъ тысячъ.

— Чудесно. А почему?

— По тысячѣ сто.

— За тысячу?

— Конечно. А то за что же?

— Сбросьте по три сотни.

— Не могу.

— Ну по двѣ съ половиной. Ей Богу, иначе нѣтъ смысла.

— Что жъ дѣлать, — холодно пожалъ я плечами. — Кстати... (спокойно, но сгорая тайнымъ любопытствомъ, спросилъ я) Для чего вамъ такая уйма подковъ?

— То есть какъ для чего? Для военнаго вѣдомства.

Краешекъ завѣсы приподнялся передо мной. Проглянуло ясное небо.

— Вотъ оно что! Сѣрной кислотой интересуетесь?

— Интересуюсь. И кофе интересуюсь.

— А азбестомъ?

— Конечно. Бензиномъ... тоже...

— И сливочнымъ масломъ?

— Особенно. Но сейчасъ я много далъ бы за нефтяные остатки.

— Серьезно, много дали бы?! У меня есть.

— Что вы говорите! Гдѣ?

— Дома. Собственно, это скорѣй керосиновые остатки. Лампа, знаете ли, на кухнѣ горитъ, ну оно и оста...

— Чортъ знаетъ, что такое! — вскипѣлъ мой собесѣдникъ. — Съ нимъ о дѣлѣ говоришь, а онъ шутитъ! Мнѣ слишкомъ дорого время, чтобы...

— Да чортъ васъ возьми! Кто къ кому подошелъ: я къ вамъ, или вы ко мнѣ?! Кто къ кому обратился съ разговоромъ?.. Я къ вамъ или вы ко мнѣ?! Чортъ васъ разберетъ, что вамъ нужно. Для чего мнѣ ксероформъ? Для чего дубильная кислота? У меня все есть, что мнѣ нужно, а излишекъ я вамъ могу предложить!! Кофе вы интересуетесь? Масло вы интересуетесь? Пожалуйста — вотъ оно! Ышите! Бензинъ вамъ нуженъ? У меня есть дома ровно столько, сколько вамъ нужно, чтобы вывести пятна на вашемъ костюмѣ!!

Тонъ его сдѣлался мягче.

— Вы, очевидно, первый разъ здѣсь, вотъ вамъ и странно. Seriously вы мнѣ кофе предлагали или шутя?

— Seriously. Садитесь.

* * *

Мы пили уже по второму стакану кофе, и я съ грустью чувствовалъ, что никогда вѣкъ не скакалъ такъ рѣзко и никогда мнѣ больше не угнаться за нимъ.

Какіе-то люди подходили къ моему новому знакомому и вели самые непонятные разговоры.

— Вы хотите сверлильные, фрезерные?

— Нѣтъ, я даю.

— Почему?

— Три тысячи шестьсотъ, франко Ревель.

— Вагоны ваши?

— Даю вамъ хоть сто вагоновъ. Кстати: беру трехдюймовое желѣзо...

— Лондономъ интересуетесь?

— Благодарю васъ. Могу самъ вамъ дать Лондона сколько угодно.

— А термометры?
 — Возьму съ удовольствіемъ. Почему?
 — 21 за дюжину.
 — Что вы мнѣ говорите! А въ аптекѣ какая розничная цѣна?
 — Рубль шестьдесятъ.
 — Почему же вы съ меня хотите рубль семьдесятъ пять за оптъ?

— Потому что вы идиотъ. Вы въ аптекѣ достанете одинъ-два термометра. А пойдите, попробуйте купить сто — вамъ дадутъ по шеѣ.

Передъ моими глазами происходили чудеса.

Къ моему новому знакомому подходилъ человекъ, у котораго ботинки отъ ходьбы пѣшкомъ свирѣпо разинули рты, и говорилъ этотъ человекъ:

— Имѣю восемьдесятъ автомобилей. Интересуетесь?

«Какъ! — простодушно думалъ я. — Человекъ имѣетъ восемьдесятъ автомобилей и такъ упорно и настойчиво ходитъ пѣшкомъ? Чудакъ онъ? Оригиналь-милліонеръ?»

А мой новый знакомый дѣловито возражалъ ему:

— Нѣтъ, автомобилями не интересуюсь. А вы скажите лучше, когда вы мнѣ отдадите четыре съ полтиной, которые взяли на прошлой недѣлѣ?

Я слышалъ такое предложеніе:

— Имѣю шестьдесятъ тысячъ рубашекъ. Интересуетесь?

Не удивительно ли было, что счастливый обладатель шестидесяти тысячъ рубашекъ имѣлъ на своемъ тѣлѣ шестьдесятъ тысячъ первую рубашку — такую грязную, что если предположить и остальные шестьдесятъ тысячъ рубашекъ въ такомъ же состояніи, то тысяча прачекъ должна была бы въ теченіе недѣли приводить эти рубашки въ мало-мальски сносный видъ.

Больше всего меня поражала та легкость, съ которой возникали промадныя дѣла, ширились тутъ же на моихъ глазахъ, росли и, почти дойдя до благополучнаго конца, вдругъ съ трескомъ рушились изъ-за сущаго пустяка, при чемъ (надо отдать имъ справедливость) инициаторы предпріятія не особенно горевали о гибели почти налаженнаго колоссальнаго дѣла, а сразу же приступали къ возведенію другого не менѣе колоссальнаго зданія, снова рушившагося.

— Дровами интересуетесь?

— Чрезвычайно. Много есть?

— Десять тысячъ вагоновъ.

— Великолѣпно! Подходить!.. Почему?

— По столько-то.

— Франко Петроградъ? Цѣна подходящая. Это именно то, что мнѣ нужно. Гдѣ дрова?

— Въ Финляндіи.

— Чудесно. Сдѣлаемъ дѣло. Вагоны вы беретесь доставить?

— Вагоны будутъ.

— Такъ пойдете писать условіе!

— Пойдемте.

— Кстати: а сколько вагоновъ вы мнѣ дадите ежедневно?

— Мнѣ желѣзная дорога обѣщаетъ по десять вагоновъ.

— Сапожникъ вы. У васъ десять тысячъ вагоновъ, а вы мнѣ будете присылать десять вагоновъ въ день! Это на три года, а мнѣ на эту зиму нужно.

— Что жъ дѣлать, если больше вагоновъ не достану.

— Ну, чортъ съ нимъ! Жаль. (Пауза.) А шрапнельной сталью вы интересуетесь?

— Почему она у васъ?

Какіе нужно имѣть нервы, чтобы такъ быстро примириться съ крушеніемъ уже почти налаженнаго дѣла, результатъ котораго долженъ на всю жизнь обогатить человекъ?!..

* * *

Подошелъ къ намъ изможденный узкогрудый молодой человекъ и сказалъ моему новому пріятелю:

— У меня есть носки.

— Беру. Много?

— Сорокъ тысячъ.

— Почему?

— 11 рублей дюжина. Франко Выборгъ.

— Подходить. Образцы есть?

— Есть.

— Покажите.

Къ моему изумленію, владѣлецъ сорока тысячъ паръ носковъ поставилъ ногу на свободный стулъ, засучилъ одну штанину и похлопалъ рукой по собственному носку, довольно пострадавшему отъ времени:

— Вотъ.

И никто не удивился; всѣ наклонились и стали ощупывать носокъ.

Погоня за рублемъ убила у этихъ людей то, что было у меня съ избыткомъ: непосредственность воспріятія.

И я понялъ всю драму этого владѣльца сорока тысячъ паръ носковъ, получившаго образецъ для предложенія коллегамъ и вынужденнаго силой обстоятельствъ носить этотъ образецъ совсѣмъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему надлежало быть.

И подумалъ я: бѣдняга ты, бѣдняга! Ну, хорошо, что это только носокъ, а не другая какая-нибудь часть туалета, показываніе которой заставило бы тебя раздѣться въ этомъ шумномъ многолюдномъ кафе — до рубашки. Хорошо, что тебѣ пришлось показывать образцы носковъ, а не кофе, хлѣба, сахару и масла...

Какъ бы, бѣдная твоя голова, показалъ ты ихъ?...

За тотъ часъ, что я провелъ въ этомъ удивительномъ кафе — совершилась тамъ только одна торговая сдѣлка: я уплатилъ наличными за пріобрѣтенный мною товаръ (кофе, хлѣбъ, масло) 1 руб. 70 коп. франко кафе, наличными.

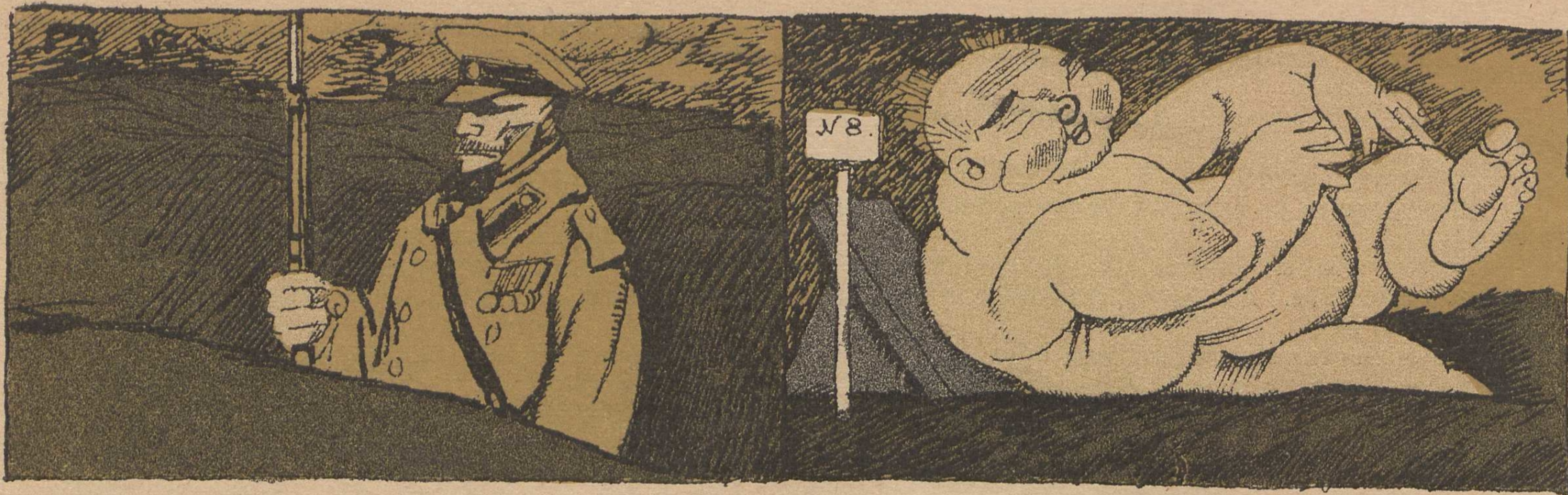
Аркадій Аверченко.

Рис. Ре-ми.

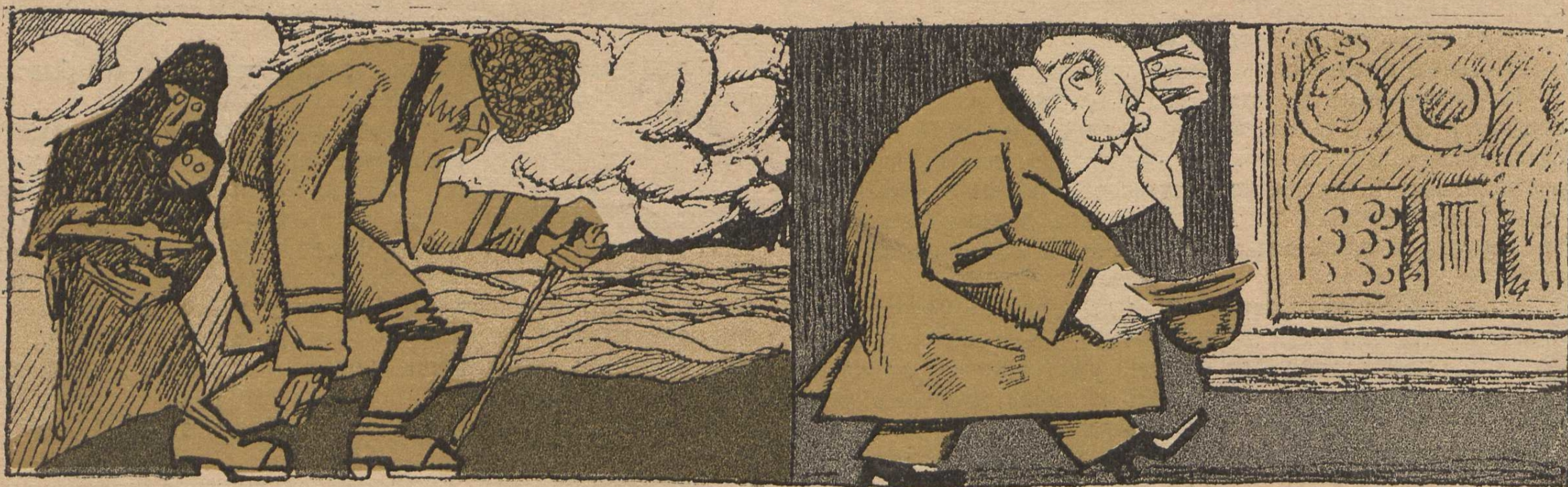

С В Ѣ Ж Е Е З Р Ъ Л И Щ Е

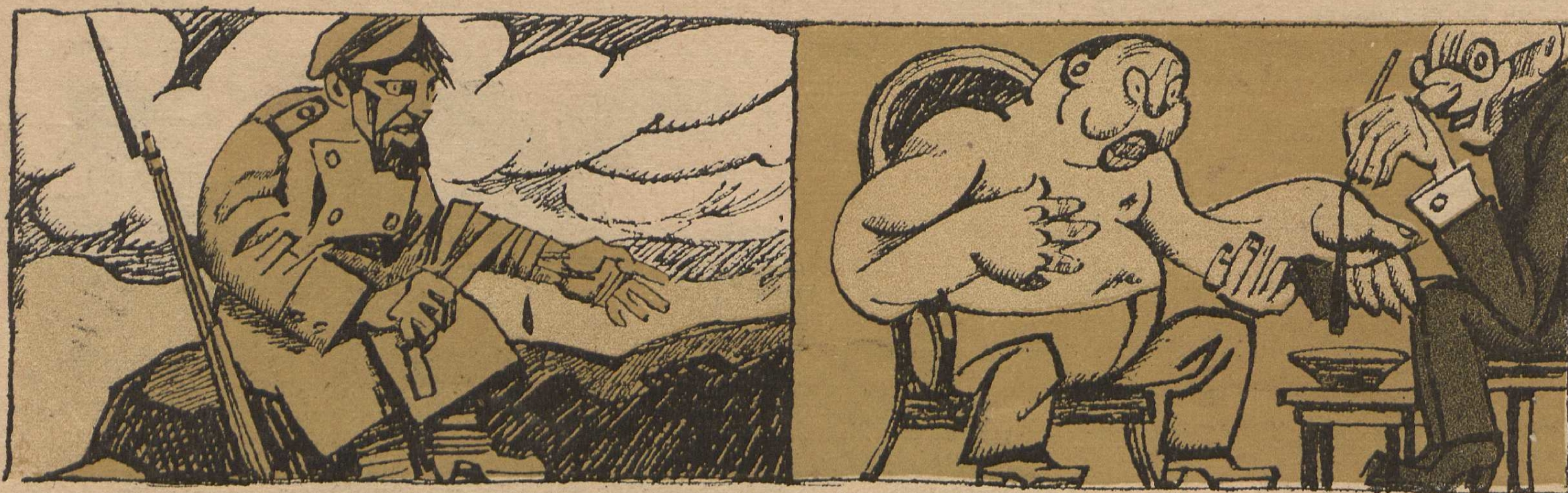
— Ахъ, Сержъ! У васъ золотая голова: сегодня всѣ театры закрыты, а вы такъ удачно придумали — ѣхать смотрѣть бѣженцевъ!..

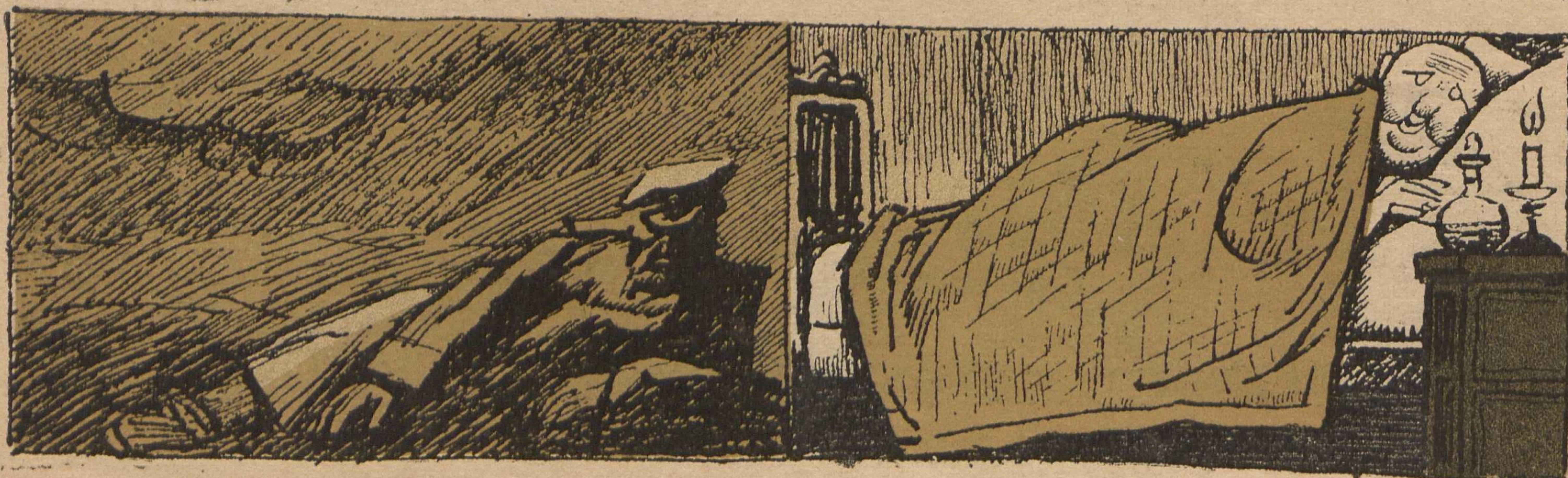
Хочу пережить то же, что переживают и наши солдаты. Тяжело въ сырыхъ и грязныхъ окопахъ, — и потому я беру грязевыя ванны.

Бѣдные, голодные бѣженцы! Но мнѣ не такъ ужъ стыдно думать о нихъ, — я самъ долженъ ходить и ходить, для моціона, и ничего не ѣсть до обѣда.

Да, солдаты проливаютъ свою кровь за отечество, — но вѣдь и мнѣ докторъ недавно пустилъ кровь...

Конечно, у меня, иногда, немного больше удобствъ, чѣмъ тамъ... но вѣдь я зато и не получаю орденовъ.

ПРОДАВЕЦЪ КОСТЫЛЕЙ.

Любого размѣра и чуть не даромъ —
Эй, покупай, покупай, народъ!
Поштучно можно, можно по парамъ —
А вотъ костылики-костыли, а вотъ!..

Послушай, пріятель! Ты высохъ, какъ мощи,
Въ окно-то одно увидишь ли свѣтъ?
Я вырубилъ съ сыномъ цѣлыхъ двѣ рощи,
Выбирай — неужели подходящихъ нѣтъ?

Подправь-ка амурныя свои дѣлишки,
Довольно, какъ старухѣ, кормить голубей:
Вотъ костыли, бери ихъ подмышки
И прыгай за милой, что воробей!..

Прошелъ сегодня кварталовъ десять,
Куда ни посмотришь — вездѣ мой товаръ.
Ей Богу, ты можешь меня повѣсить,
Когда я сотню уже не продалъ паръ.

И всѣ довольны, и всѣмъ пріятно!
Скажу тебѣ, милый, безъ лишнихъ словъ:
Скачи сто верстъ, и сто верстъ обратно —
Костыль мой будетъ все такъ же новъ.

Вчера здѣсь тоже, говорятъ, лазалъ кто-то.
Остерегись, съ непривычки купишь гниль,
Едва наладишься, выйдешь за ворота,
И обязательно носомъ ткнешься въ пыль.

А тутъ, погляди-ка! Потрогай ручки!
Признайся, парень, что я молодецъ?
Бери, дружище! За обѣ штучки
Рубль восемь гривенъ и дѣлу конецъ...

Чего же дешевле? Вѣдь, прямо, даромъ...
Эй, покупай, покупай, народъ!
Хочешь — поштучно, а хочешь — по парамъ,
А вотъ костылики-костыли, а вотъ!..

Валентинъ Горянскій.

П Ы Л Ь.

Вы вдумывались когда-нибудь въ жизнь пыли?
Если не вдумывались, то вдумайтесь. Это интересно.

Посмотрите: вотъ лежитъ она на проѣзжей дорогѣ — у
всѣхъ подъ ногами — такая покорная, сѣрая, тихая, убитая.
Лежитъ безвольнымъ пластомъ, не правда ли?

А пошевелите-ка ее, троньте-ка ее — не только быстрымъ
движеніемъ — ну, хотя бы легчайшимъ дуновеніемъ вѣтерка.

И — увидите: она заволнуется.

Милліоны ея сѣрыхъ точекъ-членовъ почувствуютъ тре-
вогу и страхъ... Сотни, а, можетъ быть, и тысячи изъ нихъ
сейчасъ же поднимутся на воздухъ и, точно разбираясь въ
чемъ-то, тревожно покружатся и неуверенно осядутъ...

А если вѣтеръ будетъ чуть сильнѣе, или по дорогѣ про-
мчится автомобиль, коляска, или проскочетъ лошадь — Боже,
какъ заволнуется пыль, какъ заволнуются эти безвольныя,
сѣрыя, утрамбованныя точки!

* * *

Вѣроятно же всего, я бы не думалъ о пыли. Зачѣмъ? Вѣдь,
пыль — всего только и есть пыль, и ничего болѣе.

Но въ этомъ ужъ повиненъ «Сатириконъ». Это онъ
предлагаетъ подумать о пыли, обѣ этихъ милліонахъ сѣрыхъ
утрамбованныхъ точекъ, которыя такъ любятъ подниматься
и волноваться въ тылу каждаго движенія.

Проскачетъ ли по дорогѣ покрытый черной попоной
огненный конь войны, промчится ли вихрь революціи — въ
тылу неизмѣнно одинаковымъ сѣрымъ облакомъ взвоетъ
пыль и, ѣдкая, убивающая, или же безвредная — будетъ
одинаково осѣдать на всемъ, что попадетъ, и одинаково му-
тить чистый воздухъ...

Теперь же есть отчего подниматься пыли и отчего мутить:
по всѣмъ дорогамъ идетъ движеніе, по всѣмъ дорогамъ скри-
пятъ милліоны колесъ и упорно движутся милліоны ногъ людей
и животныхъ.

И въ тылу этого грознаго движенія сѣрыми тучами клу-
бится пыль, осѣдаетъ и вновь поднимается, покрывая все во-
кругъ сѣрымъ своимъ уныніемъ и засоряя одинаково: траву
и цвѣты, глаза и легкія, сердца и души...

* * *

Всмотритесь же въ пыль. Вы думаете, что она безцвѣтна,
безсильна и безобидна?

Ошибаетесь. Это только кажется такъ.

У каждой пылинки есть свое лицо, своя воля, или свое
безволие и свой характеръ. Это можно видѣть даже не въ
микроскопъ, а простымъ невооруженнымъ глазомъ.

Вотъ въ числѣ милліоновъ другихъ летитъ пылинка. Она
мала, ничтожна, безцвѣтна. Но она въ чемъ-то увѣрена.
Она летитъ зигзагами, какъ-то по-своему, съ особеннымъ,
своимъ упрямствомъ. Она не знаетъ, куда она летитъ, за-
чѣмъ поднялась и засуеилась, но все же — летитъ.

И если вы всмотритесь въ нее, то, право, увидите въ этой
сѣрой точкѣ какого-нибудь Ивана Ивановича, который тоже
какъ будто «особенный», который такъ же малъ, ничтоженъ
и сѣръ, но который такими же зигзагами мчится куда-то на
извозчикихъ и трамваяхъ, чтобы передать такой же, какъ и
онъ, точкѣ свои «новости» — о скрипѣ и грохотѣ грознаго
движенія...

Для чего онъ это дѣлаетъ?

Но на это нѣтъ отвѣта: а для чего существуетъ пыль?
Для чего волнуется?

А опасна ли она? Да кто это знаетъ!

Кто разберется въ пыли?!

Очень часто — не опасна, а часто несетъ заразу и бѣд-
ствія.

На то она и пыль.

* * *

Но Иванъ Ивановичъ, конечно, самый не-опасный. Онъ
только уныло садится унылой пылью, теряя въ сѣрой пеленѣ
«особенности» свои и «новости».

Но въ общей массѣ пыли ничтожное и безвредное ужи-
вается съ опаснымъ и губящимъ, а дышать пылью необхо-
димо, уйти отъ нея нельзя, бороться трудно...

Что же дѣлать?

* * *

... А чѣмъ больше движеніе, тѣмъ опаснѣе, утомитель-
нѣе, возмутительнѣе тыловая пыль...

Она вырастаетъ въ столбы, столбы ужасныя и губитель-
ныя, какъ смерчъ...

И о ней ужъ нельзя не думать. Съ ней нужно жестоко
бороться, а если бороться нельзя — то хоть грустить...

Ефимъ Зозуля.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

И я! И я!

Камни вопіютъ!

М. О. Меньшиковъ и тотъ костенѣющей рукой написалъ
нѣсколько словъ о вредѣ военной и, вообще, даже штатской
цензуры. (Вниманіе! Роскошная комедія! Только у насъ! Но-
винка перваго экрана!)

Я не помню ни одного обвинительнаго приговора, которымъ
журналистъ карался бы за разглашеніе, на примѣръ, военныхъ тайнъ.
Ни одного въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ. Это что-нибудь да значить.

Я отживаю свой вѣкъ, и человѣческой, и писательской, но уми-
рать буду съ горькимъ сознаніемъ того, что я лишень былъ профес-
сиональной свободы, и потому сдѣлалъ неизмѣримо менѣе того, что
могъ бы сдѣлать и что долженъ былъ бы сдѣлать на службѣ своему
народу. Умирать буду съ глубокимъ убѣжденіемъ, что слово чело-
вѣческое должно быть свободно, отвѣчая за преступленія свои, какъ
всякая человѣческая дѣятельность — послѣ совершенія дѣянія, а не
до него, и лишь по суду.

Совсѣмъ, какъ въ сказкѣ: лисица, а говоритъ человѣ-
ческимъ голосомъ!

Волчья ягода безъ комментариевъ

Архіепископъ Серафимъ тверской въ соборѣ за литургіею произнесъ слово обличенія по поводу переживаемыхъ событій внутренней политической жизни: „Какая-то Дума, — сказалъ владыка, — какіе-то сѣзды и совѣщанія вмѣстѣ съ крамольной измѣнительской печатью домогаются переустройства нашего государства. Дерзаютъ выносить какія-то резолюціи съ требованіемъ отвѣтственного министерства, о призывѣ къ власти пользующихся довѣріемъ общественныхъ круговъ. Знайте, что этого никогда не будетъ. Мы, пастыри, выйдемъ на борьбу съ этой измѣной, и въ этой борьбѣ не убоимся мученичества“. („Русское Слово“.)

Такъ-съ.

Головы.

Бесѣда болгарскаго Фердинанда съ вождями оппозиціи должна произвести на всѣхъ свѣжее, отрадное впечатлѣніе простотой тона и ясностью діалога.

Г. Стамбулинскій, представитель земледѣльческой партіи, въ концѣ своей рѣчи сказалъ царю:

— Ваше величество должно имѣть въ виду, что, идя наперекоръ желаніямъ болгарскаго народа и вводя Болгарію въ нѣмецкое русло, вы играете вашей головой.

На это царь Фердинандъ отвѣчалъ:

— Моя голова — стара и никому не нужна. Я бы вамъ посоветовалъ серьезно подумать о вашей собственной.

Дружеская бесѣда затянулась далеко за полночь.

Но, однако, какой глубокой искренностью проникнуты слова Фердинанда:

— Моя голова стара и никому не нужна.

И вѣрно.

А меньше всего — Болгаріи.

Ибо сказано:

— За дурной головой и ногамъ плохо.

Цѣна на писателя.

Если Фердинандова голова никому и не нужна, то о головѣ скромнаго писателя, нашего коллеги д'Аннунціо, этого нельзя сказать:

Копенгагенъ. Австрійскій генеральный штабъ назначилъ 20,000 кр. за голову д'Аннунціо. То же самое будетъ выдано за взятіе писателя въ плѣнъ.

Это, вѣроятно, наивысшій писательскій гонораръ и исчисляется онъ не построчно, а поголовно.

Очевидно, у австрійцевъ своихъ головъ нѣтъ.

Чудеса.

Газеты сообщаютъ эпизодъ, подслушанный недавно въ кулуарахъ Думы:

Какая-то женщина, еврейка, обгатила къ новому товарищу министра внутреннихъ дѣлъ кн. В. М. Волконскому. Явившись къ нему, она не знала, что ей нужно принести съ собой прошеніе въ письменной формѣ. Кн. В. М. Волконскій усадилъ просительницу, далъ бумагу ей и самъ продиктовалъ прошеніе; положивъ тугъ же резолюцію, онъ отнесъ его въ регистратуру. Затѣмъ, князь вернулся къ ней, чтобы ее успокоить. Просительница ушла отъ него въ слезахъ.

Послѣднее случилось съ просительницами-еврейками и раньше.

Но по другому поводу.

Простая душа.

Какъ жаль, что свѣжая наивность и дѣтская непосредственность окружнымъ судомъ ни въ грошъ не ставится:

Въ Кіевѣ слушалось дѣло извѣстнаго „доктора“ чеберячкина салона, ссыльнаго каторжнаго Бориса Рудзинскаго, обвинявшагося въ побѣгѣ съ мѣста ссылки въ Сибири.

Это тотъ самый Рудзинскій, о которомъ на процессѣ Бейлиса говорилось: „это министерская голова Рудзинскаго расписала его“ (Ющинскаго).

Рудзинскій недавно былъ задержанъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ за послѣднее время совершилъ рядъ кражъ.

На судѣ Рудзинскій объяснилъ, что не зналъ о запрещеніи ссыльнымъ самовольно отлучаться съ мѣста ссылки.

А жестокіе люди не догадались объяснить это бѣдному малюткѣ!

Боже мой! Какъ можетъ за нѣсколько лѣтъ поглупѣть министерская голова...

ЖЕРТВА КРИЗИСА.

1-я ночная бабочка. Второй день не могу показаться на Невскій.

2-я. Почему?

1-я. Подвоза муки нѣтъ.

2-я. А тебѣ-то что?

1-я. Какъ же можно показаться ненапудренной!

ЧТО НАДО СДѢЛАТЬ...

Нами получено письмо отъ неизвѣстнаго читателя, подписавшагося скромно и мило:

— «Петроградецъ».

Въ тонѣ письма и въ подписи чувствуется солидный чело-вѣкъ, а отнюдь не вертопрахъ какой-нибудь, желающій ошеломить читателя мимолетной ракетой трескучей мысли; мысль автора проста и остроумна, несмотря на кажущуюся сложность ея осуществленія. Вопросъ, котораго касается авторъ, не только назрѣлъ, но и перезрѣлъ, и если его, выражаясь аллегорически, не срѣзать во время, онъ, какъ нѣкій плодъ, съ трескомъ упадетъ на головы заинтересованныхъ людей.

Однимъ словомъ, письмо, написанное нашимъ читателемъ, умно, тонко и исчерпывающе.

Мы гордимся нашими читателями.

Вотъ письмо:

«Милостивый государь, г. редакторъ!

Я уже много лѣтъ читаю вашъ остроумный журналъ и очень люблю его... (поистинѣ удивительно чутье и вкусъ этого скромнаго псевдонима, подъ которымъ, на основаніи вышенаписаннаго имъ, можно заподозрѣть крупную личность, обладающую сильно развитымъ художественнымъ вкусомъ. *Примѣч. ред.*) Во всякомъ вопросѣ, къ которому вы подходите, вы берете быка за рога. (И вѣрно. Беремъ. Это нашъ принципъ. Но какова у автора наблюдательность! *Примѣч. ред.*) Надѣюсь, что на этомъ основаніи, вы и дадите на страницахъ вашего уважаемаго и талантливаго (но каковъ вкусъ у чело-вѣка! *Примѣч. ред.*) журнала мѣсто моему письму...

Читали ли вы когда-нибудь, господа, Майнъ-Рида, именно тѣ его романы, въ которыхъ онъ описываетъ пиратовъ Коромандельскаго берега, бразильскихъ разбойниковъ и дикарей, водящихся въ болотистыхъ мѣстахъ Амазонки.

Положа руку на сердце, кого они вамъ напоминаютъ?

Угадали. Ну вотъ то-то же. Я такъ и зналъ.

Дѣйствительно, получается такое впечатлѣніе, что всѣ перечисленные отбросы земного шара перенесены въ Петроградъ, одѣты въ извозничьи армяки, посажены на козлы и двинуты сомкнутымъ коннымъ строемъ на публику, предводительствуемые однимъ изъ членовъ городской думы, одѣтымъ въ красный мундиръ, мокассы на голыхъ ногахъ и шапку, сдѣланную изъ старой сигарной коробки. Въ ушахъ у этого члена думы сверкаютъ двѣ коробки изъ-подъ сардинокъ, а носъ проткнутъ дамской булавкой. Онъ скачетъ впереди, испуская воинственные крики и науськивая всю свою банду на оторопѣвшую безпомощную публику.

— Что такое петроградскій извозчикъ?

Кто этого не знаетъ.

На грязномъ обшарпанномъ экипажѣ сидитъ безформенное оборванное существо, рычащее, кусающееся и плюющееся.

Право, больно подумать: вѣдь это нашъ же русскій чело-вѣкъ, братъ нашъ по родинѣ, который крестится на каждую церковь, который имѣетъ или имѣлъ папу и маму, поминаемую имъ отнюдь не въ приливѣ сыновней любви.

Это грязное, обшарпанное, ободранное, зловонное существо, сидящее скорчившись на козлахъ — ненавидитъ всякаго сѣдока острой длительной ненавистью, а сѣдокъ тоже ненавидитъ его и боится.

Что бы сказалъ лондонецъ или парижанинъ, если бы кто-нибудь выпустилъ на лондонскія или парижскія улицы нѣсколько тысячъ грязныхъ пиратовъ съ грубыми голосами, озвѣрѣвшихъ разбойниковъ, которые бы подстерегали въ глухихъ мѣстахъ довѣрчивыхъ прохожихъ, усаживали ихъ на особия приспособленные для грабежа телѣжки и провезя ихъ для отклоненія подозрѣній нѣсколько кварталовъ — грабили бы и обирали этихъ довѣрчивыхъ прохожихъ.

Да вѣдь чело-вѣка, который организовалъ бы эту страшную банду, лондонцы давно бы уже повѣсили во дворѣ мрачнаго Ньюгэта или Тоуэра по приговору коронаго суда.

Мы, петроградцы, — почти всѣ нервныя, раздражительные люди; $\frac{1}{4}$ всей этой нервности вызывается петроградскими извозчиками.

Идете вы по улицѣ. Захотѣлось вамъ поѣхать.

— Извозчикъ!

Онъ тускло и равнодушно глядитъ на спину своей лошади.

— Извозчикъ!! Свободенъ?

Такой же бы получился результатъ, если бы вы звали сфинкса у академіи:

— Сфинксъ! Свободенъ?

Молчить, каналья, подлець этакій, чтобы его лихорадка взяла!

— Изво-о-озчикъ!

Еле замѣтное движеніе головы.

— Чего орешь? Занятъ. Не видишь, что ли.

Это — когда онъ занятъ.

Вотъ — когда онъ свободенъ:

— Извозчикъ!

— Пожалуйста! Куда прикажете?

— На Троицкую. (Онъ стоитъ на Морской.)

— Рубликъ пожалуйста, безъ лишняго.

— Что-о? А по таксѣ не хочешь ли?

— На кладбище тебя повезу по таксѣ, вотъ куда.

Вы, возмущенный, идете дальше. За вашей спиной ставится точка этому краткому разговору:

— Жуликъ. Туда же.

Подумайте, вѣдь это нашъ же братъ, русскій человекъ, обычно такой добрый, отзывчивый къ чужому горю, ласковый и привѣтливый.

Кто его сдѣлалъ такимъ?

Навѣрное, городская дума устроила гдѣ-то подъ землей тайную школу, и особые инструкторы въ тиши ночей тайно учатъ всему этому извозчиковъ. На свою же голову.

— Извозчикъ! Надеждинская, семь гривенъ.

— Положите полтора.

— А по таксѣ не хочешь?

— Плевали мы на вашу таксу.

Мыслите логично: городская дума придумала свою таксу, извозчики плюютъ на нее; значитъ — они плюютъ на думу.

Дѣловому петроградцу приходится цѣлый день носиться по городу на извозчикахъ. Вопросъ: что отъ него остается вечеромъ послѣ десятка вышеприведенныхъ разговоровъ.

Вотъ къ устраненію и разряженію всей этой нервности бѣднаго петроградца и ведется вся сущность моего дѣлового проекта.

Вотъ мой проектъ: за день извозчики доводятъ петроградца, благодаря городской думѣ, до состоянія близкаго къ истерикѣ.

Избивать каждаго извозчика, дабы сорвать злость — некультурно. Да онъ и не при чемъ.

Разыскивать какого-нибудь изъ членовъ думы — культурно, но хлопотливо.

Что же предлагаю я? Въ Англии сейчасъ живетъ негръ, бывший знаменитый боксеръ Джонсонъ. У него лицо отъ тренировки — какъ камень: хоть полѣномъ по ней бей — глазомъ не моргнетъ.

Слѣдуетъ выписать этого негра Джонсона, избрать его въ члены городской думы и выставить на Невскомъ въ особой специально устроенной будкѣ.

И вотъ, когда у кого-либо изъ петроградцевъ, ѣдущихъ на извозчикѣ, ужъ очень накопится на сердцѣ — петроградецъ останавливаетъ на Невскомъ извозчика, соскакиваетъ съ экипажа и, подскочивъ къ негру и крикнувъ, со всего размаха ударяетъ это твердокаменное чудовище по лицу. Негру все равно (онъ тренированъ), а петроградцу сразу сдѣлается легче, ибо онъ высказалъ свое мнѣніе о петроградскомъ муниципалитетѣ — въ самой категорической формѣ.

Вотъ мой проектъ!

Съ почтеніемъ къ вамъ

Петроградецъ.

Р. С. Содержаніе негра Джонсона городъ долженъ взять на себя, а если откажется — обложить извозчиковъ.

Петрогр.

* * *

Дорогая редакція!

Присоединяю свою подпись къ этому письму.

Аркадій Аверченко.

МЫ И ТЪ.

Господа, одному не вѣрьте —
Лживымъ строчкамъ газетъ
О цѣпкомъ ужасѣ смерти,
И трепетѣ яркихъ побѣдъ.

Кто пріѣзжаетъ оттуда,
Только тѣ — не лгутъ,
Узнавшіе грозное чудо
Кровавыхъ и жуткихъ минутъ.

— Насъ было всего девяносто,
А ихъ пятьсотъ. И прошли. —
Они говорятъ такъ просто,
Какъ сказки нашей земли.

Но если имъ было плохо,
И косилъ желѣзный градъ,
Они не удержатъ вздоха
О томъ, что ушли назадъ.

Тамъ, они поняли что-то,
Что здѣсь никому не понятъ.
Для нихъ и подвигъ — работа,
О которой надо молчать.

Это мы сбились здѣсь тупо
Передъ тѣмъ, откуда гроза.
Они, попиравшіе трупы,
Умѣютъ смотрѣть ей въ глаза.

Это мы, живя у подножья
Горы, гдѣ клокочетъ вулканъ,
Здѣсь, въ тылу, разукрасили ложью
Войны непонятный туманъ...

Не вѣрьте строчкамъ фальшивымъ,
Влѣзающимъ въ жуткую мглу:
Развѣ правду дано найти вамъ
Намъ, рожденнымъ въ тылу?

Не вѣрьте газетному блюду
Чьихъ-то сытыхъ и жадныхъ минутъ:
Только тѣ, кто вернулся оттуда,
Только тѣ — никогда не лгутъ...

Арк. Буховъ.

ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТЬ.

— Что это черносотенцы такъ распоясались за послѣднее время?

— А это они приготовляются положить животъ на алтарь отечества.

Т—кинъ.

МОДНАЯ БОЛѢЗНЬ.

Въ Берлинѣ.

— Я не взять на войну. Докторъ меня забраковалъ.

— Что жъ онъ у васъ нашель?

— Три съ половиной тысячи марокъ.

Такой-то.

БЫТЬ НАШИХ ДНЕЙ.

Докторъ Триждынь обнялъ Ольгу Николаевну и поцѣловалъ ее нѣсколько разъ, задыхаясь и бормоча:

— Я не могу больше, не могу, я не уйду, пока ты не скажешь, что любишь, что ты моя...

— Андрей Петровичъ, опомнитесь!... — сказала Ольга Николаевна и быстро встала.

— Но вѣдь ты любишь меня?...

— Люблю, но я никогда не нарушу своего долга передъ мужемъ, передъ дѣтьми...

— Ма-а-ама!... — позвалъ Вова и заплакалъ.

— Боже мой, у меня боленъ ребенокъ, мой мужъ мокнетъ на дождѣ, чтобы добыть для семьи дровъ, а я тутъ въ любви объясняюсь... Какая гадость!... Уходите, Андрей Петровичъ, ради Бога, уходите!...

— Оля, пожалѣй меня!... — докторъ упалъ на колѣни и обнялъ ноги Ольги Николаевны. — Я не могу жить безъ тебя...

— Уходите! У меня боленъ сынъ, у меня нѣтъ прислуги, мой мужъ стоитъ въ очереди, чтобы получить хоть немножко дровъ для любимой семьи, а вы...

— Хочешь, я достану десять, двадцать, сколько угодно саженой дровъ? У меня есть связи...

— Хочу! — радостно сказала Ольга Николаевна.

— А будешь моей?

— Какъ вамъ не стыдно!...

— А вамъ не стыдно мучить меня, — крикнулъ докторъ, — не стыдно, а?... — Онъ побагровѣлъ, затрясся, и выскочилъ изъ гостиной.

— Ну, что? — спросила Ольга Николаевна мужа.

— Не купилъ, — устало сказалъ Иванъ Ивановичъ, — часа три зря мокъ на дождѣ. Зонтъ протекаетъ...

— Почему же не купилъ?

— Почему, почему. Потому, что не продаютъ эти варвары. Сегодня получили дрова только тѣ, кто записался три недѣли назадъ.

— Что же дѣлать?

— Надо записаться въ очередь. Недѣли черезъ двѣ-три, если дрова будутъ, продадутъ полсажени. Да надо каждый день справляться, есть ли въ спискѣ твоя фамилія, потому что могутъ вычеркнуть. Словомъ, чтобы получить полсажени, надо три недѣли ежедневно ходить на Фонтанку, и кланяться этимъ барбосамъ. А надолго ли полсажени хватитъ? Значитъ, получивъ дрова, надо немедленно же опять записаться въ очередь, опять ежедневно справляться у этихъ жеребцовъ, унижаться, подлизываться. А черезъ три недѣли опять, и такъ безъ конца. Выходитъ, что вся энергія, вся жизнь уйдутъ на добываніе дровъ. Да пусть они сгорятъ всѣ тамъ на Фонтанкѣ, вмѣстѣ со своими хозяевами-кровопійцами. Лучше замерзнуть, чѣмъ кланяться этимъ кровососамъ, этимъ... шкуроѣдамъ.

Иванъ Ивановичъ стукнулъ кулакомъ по столу и ушелъ въ кабинетъ.

— Кто говоритъ?

— Здравствуйте, Андрей Петровичъ! Это Ольга Николаевна.

— Что вамъ угодно?

— Вы сердитесь?

— Что вы хотите? Я тороплюсь.

— Я насчетъ дровъ. Вы говорили, что...

— Да, я могу достать дрова.

— Пожалуйста, намъ, хоть три сажени.

— Хоть сто. Но съ условіемъ...

— Съ какимъ?

— Вы знаете...

— Андрей Петровичъ!...

— До свиданья, меня больные ждутъ.

Докторъ Триждынь получилъ отъ Ольги Николаевны записку:

— У насъ осталось одно полѣно. Завтра нечѣмъ растопить плиту. Мои крошки будутъ безъ обѣда. Сжальтесь надо мной.

Докторъ отвѣтилъ:

— Сжальтесь вы надо мной.

— Алло!...

— Говорить Ольга Николаевна...

— Слушаю.

— Я согласна...

— Дѣтка моя дорогая, радость моя, счастье ты мое!...

Прости меня, негодяя, что я былъ съ тобой такъ грубъ, жестоко. Я обезумѣлъ отъ тоски по тебѣ. Теперь я на всю жизнь буду вымаливать у тебя прощеніе, моя маленькая, моя единственная...

— Но, знайте, Андрей Петровичъ, я рѣшилась на этотъ шагъ только ради дѣтей. Прощайте. Жду дровъ.

— Дровяной складъ Пузырева?

— Онъ самый.

— Попросите, пожалуйста, хозяина.

— Старика нѣтъ, а молодой у телефона.

— Здравствуйте, голубчикъ! Говоритъ докторъ Триждынь.

— А-а-а!... Мое почтеніе!

— Мнѣ дровъ еще нужно. Можно внѣ очереди?

— Трудновато. Докторскія всѣ вышли.

— Я по сто граммъ за сажень дамъ.

— Хе-хе, папашка теперь меньше двухсотъ и разговаривать не хочетъ, да еще цѣлковый на сажень лишку накидываетъ. А вчера и вовсе сказалъ баста. Хватитъ съ насъ. На прошлой недѣлѣ именины мои справляли; пили, пили, а все ведро пять спирту осталось. Куда его? Вотъ ежели бы вы коньячку хорошаго достали, это другое дѣло. Тогда я устроилъ бы вамъ дровецъ.

— Достану. Не только коньяку, но и мятныхъ лепешекъ къ нему.

— Хе-хе! Вы еще лимончикъ пообщайте. Шутники...

— Значитъ, по рукамъ?

— По рукамъ.

— А когда?

— Да хоть сегодня. Остановка за вами, гоните коньячекъ, а дровъ хватить.

— Ну, ладно. Я позвоню вечеромъ. До свиданья пока.

— Счастливо оставаться.

Въ пятницу утромъ докторъ Триждынь отвезъ на дровяной складъ «Ниль Пузыревъ съ сыномъ», пять бутылокъ коньяку. Въ пятницу же десять саженой дровъ лежали въ сараѣ Ольги Николаевны.

А въ ночь, съ пятницы на субботу, Ольга Николаевна ужинала съ докторомъ Триждыньнымъ въ отдѣльномъ кабинетѣ.

В. Черній.

СКРОМНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Въ табачную лавочку вошелъ усталый, измученный человекъ.

— Я ищу папирозъ, — сказалъ онъ.

— Что можетъ быть легче? — удивился хозяинъ. — Къ вашимъ услугамъ папирозы всѣхъ названій. Нѣтъ еще такихъ папирозъ въ Россіи, какихъ не было бы у насъ.

— Тѣмъ лучше. Я весь городъ обошелъ въ поискахъ одного названія.

— О, зачѣмъ было себя беспокоить. Надо было только вспомнить фирму «Кацкинъ и сынъ», и сразу же посѣтить ее. Всѣ названія. Есть Бельгійскія, Французскія, Дарданельскія, есть Пуанкаре, Альбертъ, Жоф...

— Кажется, я у васъ найду, что надо. Можетъ быть, у васъ есть папирозы подъ названіемъ «нѣмецъ»?

— Нѣмецъ?! — переспросилъ хозяинъ, превращаясь въ вопросительный знакъ, плюсъ благородное негодованіе. — Что вы! Это такъ непатріотично, что ни одна уважающая себя фирма не подумаетъ даже выпустить подобной марки.

Глубокій вздохъ покупателя.

— Жаль... — (Мечтательно... Такъ мечтаютъ, напримеръ, о рюмкѣ водки...) — ... Жаль... А мнѣ такъ хотѣлось выкурить хоть одинъ десяточекъ нѣмцевъ...

Евграфъ Дольскій.

ПРЕСЫЩЕННОСТЬ.

ДЕНДИ (сверкая золотыми зубами): — Всѣ говорятъ — золота, золота мало! А мнѣ это золото въ зубахъ навязло.

Волкъ.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

НОВОСТЬ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЬ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЬ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

Т. Опискинъ

ТОМА ОПИСКИНЪ.

„СОРНЫЯ ТРАВЫ“.

(Съ предисловіемъ А. Аверченко.)

... Упирающагося писателя подтащили къ аппарату, поставили въ позу, — но одного предусмотрѣть не могли: въ моментъ, когда фотографъ сказалъ: „готово“ Тома цѣломудреннымъ жестомъ закрылъ лицо руками. Въ концѣ концовъ, какъ ни бились, пришлось помѣстить вышеуказанное неполно малоудовлетворительное изображеніе писателя.

Эта скромность, это стремленіе ступешаться, съестъ куда-нибудь въ уголокъ, спрятаться — проходитъ красной нитью черезъ всѣ поступки, черезъ всю жизнь симпатичнаго писателя.

(Изъ біографіи Т. Опискина, составленной Арк. Аверченко.)

Цѣна книги 1 р. 25 к.

НОВОСТЬ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВАЯ КНИГА:

Аркадій Буховъ.

Жуки на булавкахъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Рис. Миссѣ.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почте, даже при условии присылки марок.)

Редакция не принимает на себя обязательства давать письменные ответы на запросы случайных сотрудников. Рукописи, не востребованные в течение 3-х мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Нарвск. Застава. В. Зоркому. — Павловскъ. Юрію К. — Не подошло. — Дзузеппе Мандолини. — Ю. С. Долгорукову. — Курвардову. — Н. Горячему. — Не подошло.

Элькаэмъ. — „Если для того, чтобы попасть въ вашъ журналъ нужна протекція, то я знакомъ съ Изабеллой Гриневской“...

Протекція, конечно, солидная.

Но пока вы не доставите рекомендательныхъ писемъ отъ Леонида Андреева и Власа Дорошевича, ваши произведенія не будутъ приняты.

Маріи В-вой. — Пишетъ довърчивая, простодушная Марія В-ва:

„Надѣюсь, что вы отведете моимъ стихамъ подобающее мѣсто“...

Отвели.

Что жъ дѣлать... Мужайтесь.

Садовая, 14. Сентифарису. — Въ стихахъ Сентифариса не совершенство формы искупается богатствомъ содержанія:

Скоро нѣмцы побѣгутъ
Отъ насъ, словно зайцы,
И тогда имъ будетъ капутъ
Отъ нихъ отвернутся даже китайцы.

Почему это — „даже китайцы“?.. Что жъ, по-вашему, китайцы не такіе же люди, какъ вы?

Даже лучше. Стиховъ такихъ не пишутъ.

Минскеру. — Минскеръ остритъ такъ, что его остроатамъ цѣны нѣтъ: „— Все таки, въ смыслѣ производства снарядовъ, русскіе оставили далеко позади себя нѣмцевъ...“

— Почему?

— А я зналъ одного русскаго человѣка, который ногами дробь выдѣлывалъ“.

Не этимъ ли способомъ русскій человѣкъ и свои остроты пишетъ? А?..

Б. Москва.

В. Лебедеву. — У. Ногару. — Ежу. — М. Морозову. — Н. Буеву. — Не будетъ напечатано.

В. Провинція.

Саратовъ. И. С. — Въ пространство. В. Дворяшину. — Бердичевъ. Т. Дмитріеву. — „Ростовъ н/д. Л. Т. — Автору „Рыжей красавицы““. — Все присланное не подошло.

Харьковъ. В. Е. Шалаеву. — Прежде всего — очень длинно.

Харьковъ. Агта-Троль. — Пародія плохи.

Въ простр. — Автору „Элегій“. — Авторъ чрезвычайно вдумчиво относится ко всѣмъ явленіямъ жизни:

Сахаръ очень вздорожалъ,
Также и мука,
Насъ торговецъ всѣхъ прижалъ
Не имѣемъ ни шиша.

Такой больной вопросъ да еще изложенный такими стихами — вдвое больнѣе дѣлается.

Кишиневъ. — Мистеру Смеку. — „...По бокамъ броненосца зіяли пушки“...

Пушка зіять не можетъ. Не пушкино это дѣло — зіять.

Весь вашъ рассказъ зіяетъ такой безграмотностью, что мы взяли его и, какъ выражается вашъ герой, матросъ Семанцо, — „бросили до горы ногами“.

Кстати, запомните: паруса ставятся, а не вѣшаются.

Не за что ихъ вѣшать, — безграмотныхъ рассказовъ они не пишутъ.

Омскъ. П. Орестову. — Не будетъ напечатано.

Камышинъ. Пузису. — Это уже было отмѣчено въ „Нов. Сат.“ въ рисункахъ и въ текстѣ. — Мариуполь. Эселесу. — Воронежъ Чивилеву. — Никитовка. М. Дзюбенко. — Не будетъ напечатано.

Г. Дѣйствующая армія.

Поручику А. Смирнову. — Къ сожалѣнію, очень длинно. — Ивану Сто. — Къ сожалѣнію, не подошло.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

3-й годъ изданія.

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

== 3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ ==

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб., съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 коп., на полгода 3 руб. 25 коп., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ
Новѣйшее средство „SALO-
ПИЧИЛИНЪ“
дѣйствуетъ быстро и считается
раціональнымъ средствомъ. Настав-
леніе при коробкѣ. Настоящій толь-
ко въ метал. коробкѣ по 1 р. и по
1 р. 80 к.
Одинаково хорошо дѣйствуетъ
въ острыхъ и хроническихъ слу-
чаяхъ и въ короткое время устра-
няетъ самыя упорныя истеченія.
ДЕПО: Петроградъ, Разъѣзжая
ул., 7, аптека В. Конгейма.
Продается во всѣхъ аптекахъ по
рецептамъ врачей. (27-ч. в.)
SALO-ПИЧИЛИНЪ

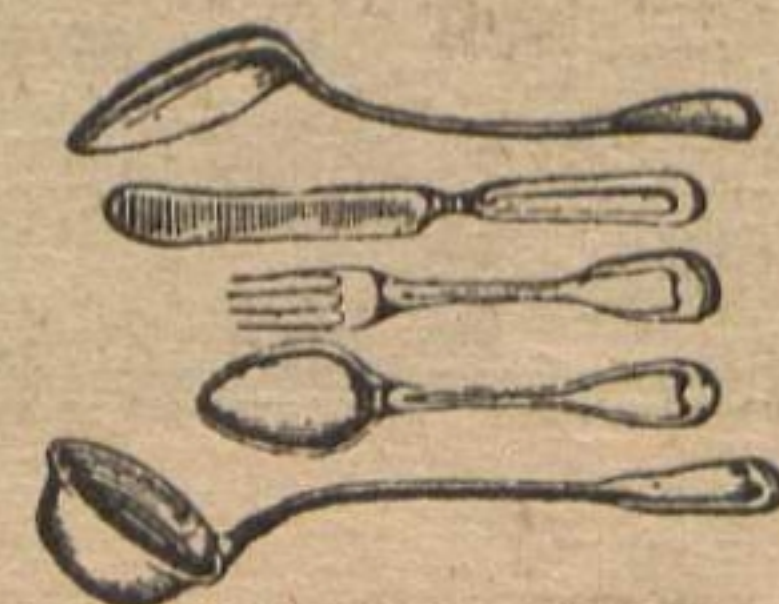
Гдѣ бываютъ артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

Невскій, 83.
Петроградъ.

„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“
По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛО
ВЪ ПРОДАЖУ

7-е изданіе книги:

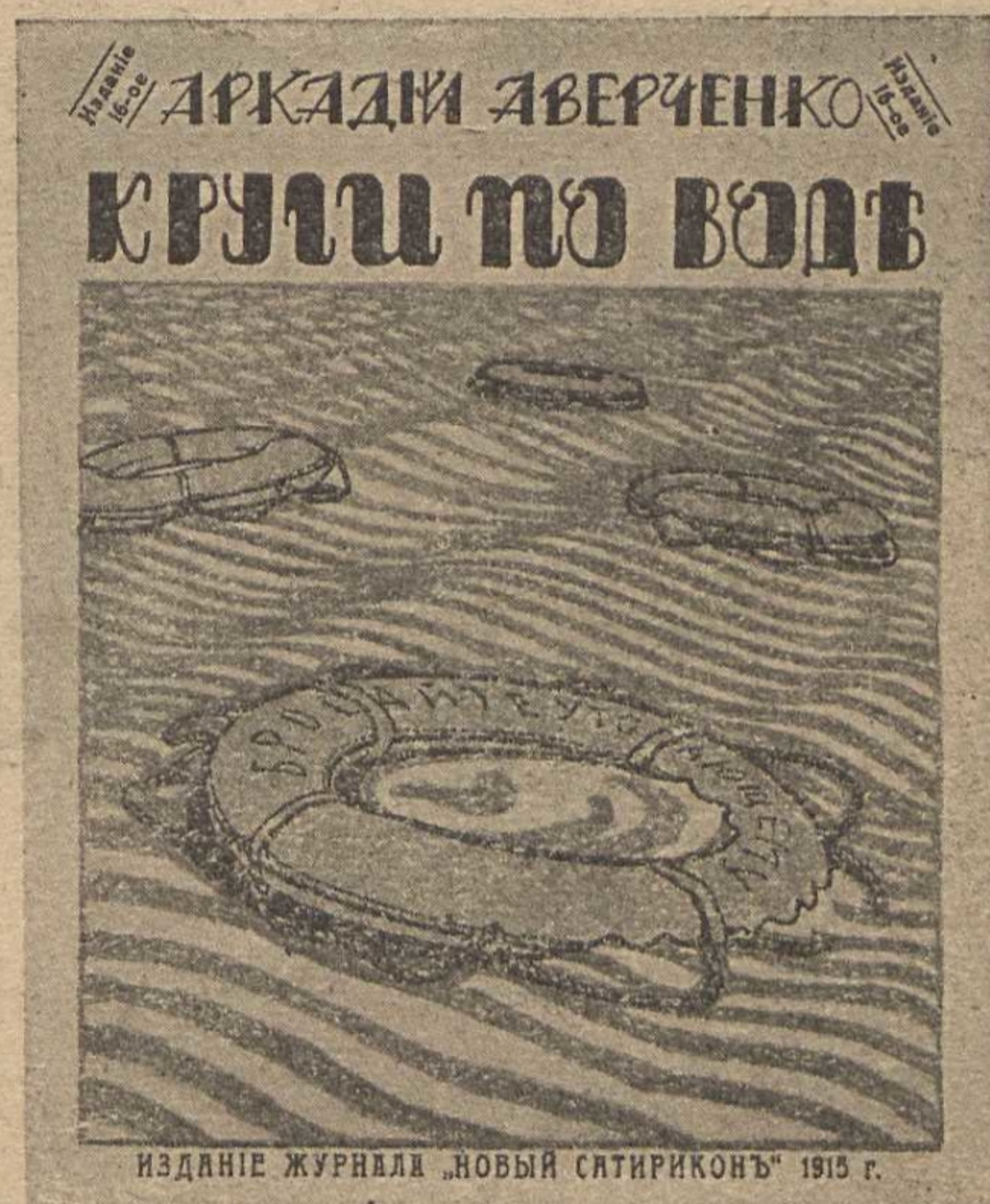
Аркадій Аверченко.

**„О ХОРОШИХЪ
ВЪ СУЩНОСТИ
ЛЮДЯХЪ“.**

Книга новыхъ разсказовъ.

Въ обложкѣ работы художника РЕ-МИ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Н. Тэффи.

И стало такъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Карусель.

Цѣна 1 р. 25 к.

Сергѣй Горный.

Почти безъ улыбки.

Цѣна 1 р. 10 к.

Аркадій Аверченко.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 1 р. 25 к.

Волчьи ямы.

Цѣна 50 к.

А. Мюрже.

Богема.

Цѣна 1 р. 25 к.

Владиміръ Воиновъ.

Солнечные разсказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

Исидоръ Гуревичъ.

Сигнальныя ракеты.

Цѣна 1 р. 25 к.

Дмитрій Цензоръ.

Легенда будней.

Цѣна 1 р. 25 к.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ 4-е ИЗДАНИЕ НОВОЙ КНИГИ

„ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ“.

(СЪ КЪМЪ МЫ ВОЮЕМЪ.)

Текстъ — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.

Изданіе богато иллюстрировано.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СЛѢДУЮЩІЕ ВЫПУСКИ:

№ 1—12. Аркадій Аверченко.

№ 13. Тэффи.

№ 14. Ландау.

№ 15. Аркадій Аверченко.

№ 16. О. Л. Д'Оръ.

№ 17. Аркадій Аверченко.

№ 18. К. Милль.

Цѣна выпуска 10 копѣекъ

НОВЫЕ СПЕЦІАЛЬНЫЕ ВЫПУСКИ ДЕШЕВОЙ БИБЛИОТЕКИ.

Аркадій Аверченко.

О НѢМЦАХЪ и О ПРОЧЕМЪ ТАКОМЪ.

СВИНЦОВЫЕ СУХАРИ.

ПЯТЬ ЧЕМОДАНОВЪ.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

О. Л. Д'Оръ.

ПРОКЛЯТІЕ НАЧАВШИМЪ

Тэффи.

„ЗАРЕВО БИТВЫ“.

Исидоръ Гуревичъ.

ЗЕМНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

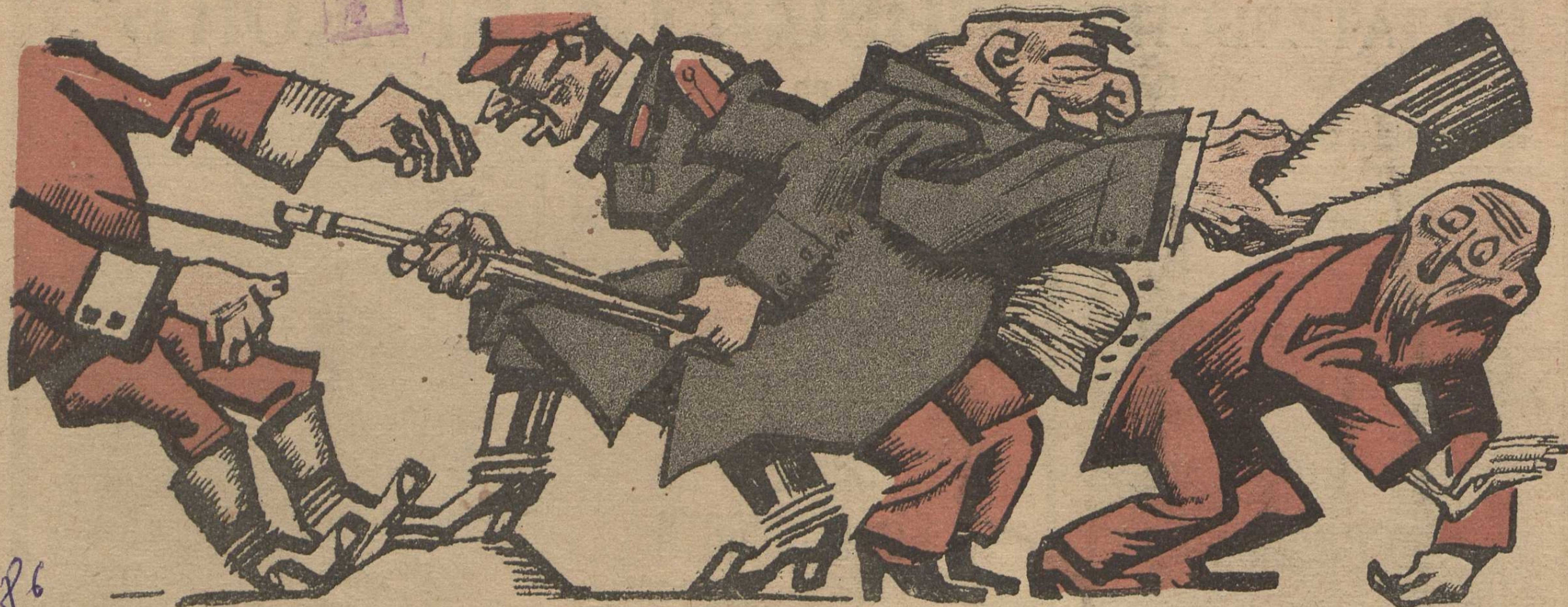
Цѣна 10 коп.

30
057079

ДВА ФРОНТА.

Рис. А. Радакова.

Съ глубокимъ почтениемъ героямъ войны
и съ глубокимъ непочтениемъ „героимъ“
тыла рисунокъ этотъ посвящаю.

Храбрые герои поля битвы бьютъ нѣмцевъ...

Герои банковъ — бьютъ обывателя сахаромъ, мукой и т. д.

Бьютъ австрійцевъ...

Дровяники тоже бьютъ...

Бьютъ турокъ.

Припрятавъ серебро въ мѣшочекъ, бьютъ имъ все того
же долготерпѣливаго врага — обывателя!...